

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ В СИСТЕМЕ ХОЗЯЙСТВА УЕЗДА НАЧАЛА XX ВЕКА (На материалах Николо-Моденского монастыря)

Русский православный монастырь был по своей сути своеобразным микросоциумом со сложившимися системами духовных, уставных, нормативных, экономических и культурно-бытовых отношений. Выполняя высокую миссию служения Богу, монастырь выстраивал свою систему материального обеспечения, связанного с обладанием собственностью и ведением хозяйственной деятельности. Последняя так или иначе соприкасалась с хозяйственно-экономическими системами волости, уезда, региона. Целью данной статьи как раз и является попытка дать ответ на вопрос - что собой представлял монастырь с точки зрения хозяйственной деятельности, какие функции он выполнял в хозяйственной жизни уезда в начале XX в. Статья основывается на материалах Николо-Моденского монастыря Устюженского уезда.

Являясь монастырём третьего класса, Николо-Моденская обитель получала в начале XX в. государственное содержание в размере 369 руб. 54 коп¹. С 1902 года оно было увеличено до 669 руб. 54 коп². В монастырь сумма приходила по частям, два раза в год. Вышестоящими органами строго регламентировались направления её расхода. Что касается распределения сумм между братией, то большинство монашествующих получали по 3 руб. 45 коп., послушники же - по 1 руб. Государственные дотации не играли большой роли в жизни монастыря, что заставляло его искать иные источники дохода. Последние и приносили средств в 8-10 раз больше.

Наибольшие доходы монастырь получал от выполнения своих основных функций, то есть от богослужебной практики. В 1910 г. они, к примеру, составляли 42,79 % всех неокладных доходов обители. Это говорит о значимом положении монастыря как духовного центра в жизни уезда и частом посещении его храмов местным населением. Особое место в религиозной жизни населения занимали знаменитые хождения с чудотворной иконой Святителя Николая Чудотворца по территории уезда, приносившие обители в первое десятилетие XX в. от 23 до 33 % дохода неокладных сумм. Определённую долю доходов составляли и вклады на помин души. Таким образом, содержание монастыря оказывалось непосредственно связано с религиозной жизнью местного населения.

Важной составляющей доходов оставались процентные начисления с ценных бумаг, принадлежащих монастырю. Капиталы Николо-Моденского монастыря к началу XX в. насчитывали более 25 тыс. руб. и состояли по

большой части из ценных бумаг: 1) билетов государственной комиссии погашения долгов; 2) билетов государственной 4% ренты. Монастырём они приобретались двумя путями. Во-первых, монастырь сам мог приобретать ценные бумаги. Во-вторых, монастырь получал ценные бумаги в качестве пожертвований или вкладов. Именно этим путём была приобретена большая часть капиталов монастыря - 68,5 %. Среди крупнейших вкладчиков значатся: игумен Старорусского монастыря Арсений, устюженские купцы И. М. Дьяконов, М. В. Поздеев, титулярный советник А. П. Коллюбакин, Санкт-Петербургский цеховой малярный мастер Р. С. Семёнов и др. Нередкими были и коллективные вклады. Так, под одним из них на сумму 5 тыс. руб. (билетом государственной 4% ренты) значится 18 имён жертвователей, внесших от 50 до 1900 руб³. К 1918 г. капиталы в виде ценных бумаг увеличились более чем в два раза и составляли более 54 тыс. руб. Основной их прирост приходится на 1900-е гг. Соответственно с увеличением количества ценных билетов увеличивались и доходы монастыря. Отметим, к примеру, что в 1909 г. монастырь получал от билетов, за вычетом налогов, 900 руб. 12 коп⁴. Наличие капиталов являлось для монастыря финансовым резервом на случай непредвиденных затрат.

Ещё одним источником дохода являлась земельная собственность. К 1903 г. Николо-Моденский монастырь обладал 225,9 дес. земли. Из них под строениями находилось 5 дес. 550 кв. саж., пашни занимали 43 дес. 2184 кв. саж., сенокосы - 14 дес. 818 кв. саж., лесные угодья - 161,817 кв. саж., а также за монастырём числились 1 дес. 817 кв. саж. неудобной для обработки земли⁵. Также монастырю принадлежали 3 дома в Устюжне. Как и в случае с капиталами, наблюдается стремление к увеличению земельных владений. Так, в августе 1912 г. монастырь вёл судебное разбирательство по поводу присоединения смежного с его владениями участка земли⁶. В среднем на одного монашествующего приходилось более 11 дес. земли. Для сравнения скажем, что среднее количество земли на душу мужского населения в волости составляло 5,7 дес⁷. Часть принадлежащей монастырю собственности сдавалась в аренду, общий доход от которой составлял 579 руб. 50 коп⁸. Незначительную прибыль монастырю приносил и гостиничный доход: в 1910 г. он составил 18 руб. 20 коп⁹. Годом позже игумен Валериан жаловался начальству, что «состоятельные же постояльцы в монастыре редки, притом бывают они на короткое время и платы за посещение не полагаются». Не брал монастырь денег и с бедных постояльцев¹⁰.

Собственное хозяйство обитатели не являлось ведущим источником доходов и носило аграрный характер. Сосредоточено оно было на двух земельных дачах, одна из которых находилась собственно при монастыре, другая в нескольких верстах при приписной Шалочской Гурьевой пустыни. Владения в Моденско-Плотичьевской волости использовались как сенокос-

ные или лесные угодья. Монастырь занимался хлебопашеством, скотоводством, огородничеством и пчеловодством. Из зерновых культур в монастырском хозяйстве высевали озимую рожь и овёс. В начале XX в. в год высевалось 27,5 меры ржи и 82 меры овса. Урожайность ржи составляла сам-4, овса - сам-2, однако случались годы, когда урожайность была выше. Так, в благоприятный для сельского хозяйства 1903 г. она составила более, чем сам-8 для ржи и сам-5 для овса. Интересно, что в этом же году монастырём был увеличен посев ржи до 31,5 меры¹¹. К 1910 году посев ржи составлял 32 меры, овса - 120 мер¹². Таким образом, налицо отмечается расширение посевов. Из огородных культур в 1903 г. выращивался только картофель, посевы которого составляли 55 мер¹³. В ведомости за 1910 г. кроме него указываются свёкла, лук и капуста¹⁴. В 1919 г. монастырь закупал семена свёклы, огурцов, капусты, моркови и редьки¹⁵. Шло расширение ассортимента выращиваемых культур. Семена выписывались из специальных магазинов и складов Петербурга и Москвы. Это улучшало генофонд выращиваемых в монастырском хозяйстве овощей, а, следовательно, и их урожайность. При монастыре было 4 рабочие лошади и крупный рогатый скот, количество которого колебалось от 18 до 24 голов. Для сравнения отметим, что в среднем по волости на одно крестьянское хозяйство приходилось 3 головы крупного рогатого скота¹⁶. В монастырском хозяйстве применялась техника: косилка, молотилка и веялка. Монахи, руководившие ведением хозяйства, были знакомы с современными им достижениями сельскохозяйственной мысли. В монастырь выписывались газеты «Сельскохозяйственный вестник» и «Пчеловодство». Вследствие того и другого, безусловно, развивалась агротехника. Это обстоятельство в выгодном плане отличало хозяйство монастыря от крестьянских хозяйств уезда, где доминировали традиционные «дедовские» методы ведения хозяйства¹⁷. В общем, можно отметить, что главной тенденцией в развитии хозяйства Николо-Моденского монастыря нач. XX в. была его интенсификация.

В целом хозяйство монастыря было ориентировано на внутреннее потребление, но в то же время часть продукции поступала на рынок. Чаще всего на продажу шел скот. За указанные годы было продано 15 телят, 5 быков, 3 коровы и 1 лошадь. Также монастырь продавал мёд, овёс, капусту и другие товары. Только за 1906-1909 гг. подобные продажи принесли монастырю 988 руб. 8 коп¹⁸. И всё же товарность хозяйства нельзя преувеличивать. Об умеренной ориентации на торговлю говорит сравнение средств, потраченных на ведение хозяйства, со средствами, вырученными от продаж различных сельскохозяйственных продуктов и хозяйственных принадлежностей. К примеру, в 1910 г. монастырь выручил от продаж 482 руб. 64 коп. (в предыдущие годы доходы составляли меньшую сумму), затраты же на ведение хозяйства составили 976 руб. 78 коп¹⁹. Вероятно, что большая часть продукции ушла на нужды монастыря, и цель торговой деятельности не являлась для монастыря

первенствующей.

Монастырь использовал наёмный рабочий труд. Можно выделить три формы найма. Первой формой был найм на длительные сроки (более 1 месяца). Интенсификация хозяйства, по-видимому, потребовала увеличения количества работников. Так, в 1909 году на монастырь трудилось в среднем 10 человек в месяц²⁰. В 1912 г. их было уже более 12²¹. Причём, вследствие достаточно частой смены работников, реальное количество лиц, занятых в хозяйстве монастыря, было гораздо больше. Средняя зарплата рабочих, скажем, в том же 1912 г., составляла 4-5 руб. в месяц²². Сравним - по данным приходно-расходных книг монастыря телёнок в то время стоил 3-4 руб.

Второй формой был подённый найм. Подёнщики обычно привлекались в летние месяцы. В иные месяцы их количество достигало 10 человек, но обычно было меньше. Подёнщиками нанимались обычно крестьяне соседних деревень: Ванского, Плотичья, Кортихи, Больших Липенок и др. Заработок у этой категории работников составлял от 20 до 60 коп. в день в зависимости от рода работ.

И, наконец, третьей формой был найм на отдельные определённые работы: заготовка и распиловка дров, лужение посуды и работы по поддержанию в порядке храмов. Выплата работникам во всех трёх случаях производилась каждому в отдельности. Бригадный найм применялся крайне редко. Думается, что такие отношения между монастырём и местным населением были выгодны обеим сторонам. Монастырь мог активно вести хозяйство, а местные крестьяне получали возможность приработка.

Как следует из вышеперечисленного, Николо-Моденский монастырь имел достаточно широкие хозяйственные контакты с различными социальными слоями населения уезда: крестьянством, купечеством, мещанством. Однако возможности их изучения весьма ограничены. К сожалению, в приходно-расходных книгах не указывалось место жительства монастырских рабочих и далеко не всегда указывалось оно у подёнщиков. При продажах монастырём хозяйственных товаров каких-либо сведений о покупателях в приходно-расходные книги также не заносилось. Таким образом, доступными для изучения и локализации хозяйственных контактов остаются только зафиксированные случаи найма крестьян на отдельные работы и случаи покупки у них для монастыря каких-либо товаров. Тем не менее, даже эта неполная информация представляется полезной для восстановления общей картины хозяйственных связей монастыря.

Только за 1906-1909 и частично за 1910 годы (по ним имеется наиболее полная информация) нами было выявлено 159 единичных контактов с крестьянами (см. приложение). По принципу интенсивности выявленных хозяйственных контактов все селения разбиты нами на три группы. К первой отнесены населённые пункты, наиболее тесно связанные с монастырём и

постоянно с ним взаимодействующие (установлено более 10 контактов). Нужно также учитывать, что жители этих деревень нанимались в монастырь рабочими и подёнщиками. Все эти деревни (за исключением Озерского) находились в Моденско-Плотичьевской волости, в непосредственной близости от монастыря. Ко второй группе отнесены селения, *периодически* связанные с монастырём. Помимо деревень Моденско-Плотичьевской волости и дер. Сергеево, находящихся недалеко от монастыря, в этой группе оказались достаточно удалённые дер. Баетовка (Весьегонский уезд) и Кобылино (Белозерский уезд). Жители первой выполняли на монастырь штукатурные работы, а у крестьян Кобылина он покупал свежую рыбу. К третьей группе отнесены селения, жители которых лишь *эпизодически* вступали в хозяйственные контакты с монастырём. Они, как правило, находились на периферии хозяйственных связей монастыря. Что же касается особенностей хозяйственных контактов с различными социальными слоями, то крестьяне (всех групп) выполняли на монастырь несложные работы (заготовка дров, подковка лошадей и т. п.) или поставляли продукты сельского хозяйства и промыслов (рожь, солому, рыбу, дрова). Гораздо слабее были развиты у Николо-Моденского монастыря связи с устюженским мещанством, но заметно шире они были с купечеством, что объясняется значительной закупочной деятельностью обители. Наиболее часто монастырь закупал товары у устюженских купцов М. Г. Чурина, Н. К. Безниной, Вороновых.

В целом Николо-Моденский монастырь активно входил в систему экономических связей внутри уезда. Способствовали этому и ярмарки, ежегодно проходившие при приписной к монастырю Шалочьской Гурьевой пустыни. Торг производился в августе и приурочивался к празднику Успения Пресвятой Богородицы. Сам монастырь значительного дохода от них не получал (лишь немногим более 30 руб. за арендуемые купцами места для торговли), но ярмарки способствовали концентрации экономической жизни вокруг монастыря.

Распространялись экономические контакты монастыря и за пределы уезда. Только в 1912 г. производились разнообразные закупки: 3 раза в Санкт-Петербурге, 2 раза - в Весьегонске, 1 раз - в Рыбинске²³. В иные годы, кроме этих городов, представители монастыря выезжали в Ярославль и Тихвин. Если соединить названные города единой линией (Санкт-Петербург - Тихвин - Устюжна - Николо-Моденский монастырь - Весьегонск - Рыбинск - Ярославль), то мы получим так называемый Тихвинский торговый путь, являвшийся главной торговой артерией уезда того времени. О его огромном значении в жизни уезда и региона известно многое²⁴. Важную роль он играл и в жизни Николо-Моденского монастыря. Об этом говорят те суммы, на которые закупались товары в этих точках. Вот некоторые из них: в мае 1907 г. было закуплено товаров в Ярославле на 519 руб., в январе 1908 г. в Весьегонске - на

177 руб. 86 коп., в октябре того же года в Рыбинске - на 332 руб. 50 коп., в августе 1912 г. в Санкт-Петербурге - на 361 руб. 14 коп²⁵. В 1906 году монастырём в Рыбинске было закуплено: 1) в лавке М. Серебряниковой 5 мешков крупчатки второго сорта, 2 мешка первого сорта, 5 четвертей пшена, 2 мешка солоду, 2 пуда манной крупы, 2 мешка гороху, 5 мешков овсяной крупы, 1 мешок перловой крупы, 8 кулей соли и др. товары; 2) в лавке Н. А. Глуздеева - 16 фунтов сазана, 1 пуд 25 фунтов соляного снетка; 3) в лавке А. А. Мutowкина - 6 пудов 22 фунта свинца²⁶.

Общей тенденцией экономической жизни Николо-Моденского монастыря начала XX века можно признать его хозяйственный подъём. Несмотря на то, что расход в некоторые годы превышал доход, что было связано с покупкой ценных бумаг и ведением дорогостоящих ремонтов, монастырь достиг известной экономической стабильности. Обеспеченность землёй предоставляла значительные возможности для развития хозяйства. Методы ведения хозяйства делали его более продуктивным, чем крестьянское. Наличие свободных внехозяйственных источников дохода делало монастырское хозяйство более устойчивым к изменению природных и рыночных факторов.

Монастырь имел разнообразные экономические связи, формирующиеся посредством хозяйственных контактов. Ведя активную хозяйственную деятельность, монастырь выступал как центр стягивания и концентрации связей с местным населением. Поддерживая внешние связи, монастырь становится местом их пересечения со связями местного порядка (об этом говорит хотя бы проведение Успенских ярмарок). Вследствие этого монастырь играл важную роль в экономическом взаимодействии различных социальных групп и перераспределении финансовых потоков.

Таким образом, значение Николо-Моденского монастыря в экономической жизни уезда было велико. Он являлся первостепенной доминантой в хозяйственной жизни волости, а в уезде выполнял функции *хозяйственно-культурного центра*, обладавшего, конечно же, специфическими особенностями, отличавшими его от таких хозяйственно-культурных центров, какими были, к примеру, некоторые усадьбы. Обладание значительными производственными источниками дохода приводило к слабой заинтересованности в развитии товарности хозяйства. Сельскохозяйственное производство при монастыре рассматривалось как подсобное, существовавшее, главным образом, для частичного обеспечения продуктами всех насельников монастыря. В монастыре, как хозяйственно-экономической системе, доминировали не производственные, а потребительские функции.

Отметим еще раз, что местным населением монастырь рассматривался в большей степени как духовно-религиозный центр, нежели как центр хозяйственный. Николо-Моденский монастырь выполнял обе функции, но первая в его жизни и деятельности безоговорочно преобладала.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 397. Л. 2 об., 6 об., 11 об., 16 об.
- ² Там же. Д. 393. Л. 92 об.
- ³ Там же. Д. 391. Л. 4-6.
- ⁴ Там же. Д. 404. Л. 1-2. Имеются в виду капиталы, принадлежащие собственно монастырю. У некоторых из монашествующих были собственные сбережения. Выплаты, которые приходили на монастырь, заносились в приходно-расходные книги, а затем выдавались владельцам.
- ⁵ Там же. Д. 385. Л. 2 об.-3. Несколько иные данные о распределении земель на конец XIX века имеются в: Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Устюженский уезд. Новгород, 1897. По этим данным монастырю принадлежало 224,7 дес. земель. Из них 7 дес. было под усадьбами, 18 дес. - под пашней, 26,5 - под сенокосами, 169,4 дес. - под лесом, остальная земля была неудобной. Вполне возможно, что эти несоответствия говорят о вовлечении к 1903 году части земель, ранее слабо используемых, в сельскохозяйственное производство.
- ⁶ ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 412. Л. 4.
- ⁷ Материалы для оценки...
- ⁸ ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 404. Л. 4.
- ⁹ Там же. Д. 408. Эта цифра расходится с явно надуманным мнением В. Ф. Зыбковца, который считал, что каждая монастырская гостиница приносила своему владельцу не менее 3 тыс. руб., см.: Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917-1921). М., 1975. С. 43.
- ¹⁰ ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 411. Л. 17 об.
- ¹¹ Там же. Д. 385. Л. 2 об.-3.
- ¹² Там же. Д. 403. Л. 26 об.-29.
- ¹³ Там же. Д. 385. Л. 2 об.-3.
- ¹⁴ Там же. Д. 403. Л. 26 об.-29.
- ¹⁵ Там же. Д. 413. Л. 80, 83.
- ¹⁶ Материалы для оценки...
- ¹⁷ Воротынцева Е. А. Социально-экономическое и культурное развитие Устюжны и уезда в конце XIX - начале XX веков // Устюжна: Историко-литературный альманах. Выпуск 1. Вологда, 1992. С. 55.
- ¹⁸ ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 399. Подсчёт автора.
- ¹⁹ Там же. Д. 408. Подсчёт автора.
- ²⁰ Там же. Д. 399. Подсчёт автора.
- ²¹ Там же. Д. 412. Подсчёт автора.
- ²² Там же. Подсчёт автора.
- ²³ Там же. Подсчёт автора.
- ²⁴ См.: Воротынцева Е. А. Указ. соч. С. 59-61; Хрусталёв М. Ю. По Тихвинской водной системе. Из истории водных коммуникаций и судоходства // Чагода: Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1999. С. 158-168.
- ²⁵ ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 412, 399. Л. 43, 44, 68, 98.
- ²⁶ Там же. Д. 399. Л. 15, 16.

**Хозяйственные связи Николо-Моденского монастыря с
крестьянской средой в 1906-1910 годы.**

| Населённый пункт | Уезд* | Количество контактов | | | | | |
|----------------------|--------------|----------------------|------|------|------|------|-------|
| | | 1906 | 1907 | 1908 | 1909 | 1910 | Всего |
| Группа А | | | | | | | |
| Дер. Ванское | | 15 | 5 | 4 | 8 | 7 | 39 |
| Дер. Плотицы | | 4 | 5 | 4 | 10 | 3 | 26 |
| Дер. Красино | | 4 | 4 | - | 3 | 3 | 14 |
| Дер. Зимник | | 3 | 4 | 2 | 3 | 1 | 13 |
| Дер. Кортиха | | 3 | 1 | 4 | 5 | - | 13 |
| Дер. Озерское | Весьегонский | 3 | 1 | 2 | 2 | 3 | 11 |
| Группа Б. | | | | | | | |
| Дер. Большая Липенка | | - | 2 | 1 | 1 | 2 | 6 |
| Дер. Батесвка | Весьегонский | - | - | - | 4 | 2 | 6 |
| Дер. Глины | | - | 2 | - | - | 3 | 5 |
| Дер. Сергеево | Череповецкий | 2 | - | - | - | 2 | 4 |
| Дер. Кобылино | Белозерский | 2 | 1 | - | - | - | 3 |
| Дер. Мартыново | | | 1 | - | 2 | - | 3 |
| Группа В. | | | | | | | |
| Дер. Дуброво | Череповецкий | - | - | - | 1 | 1 | 2 |
| Дер. Исаково | | - | - | - | 2 | - | 2 |
| Дер. Воронно | | - | - | - | 2 | - | 2 |
| Село Никифорово | | - | 1 | - | 1 | - | 2 |
| Дер. Молвино | Весьегонский | - | 1 | - | - | - | 1 |
| Дер. Слабеево | Череповецкий | - | - | - | - | 1 | 1 |
| Дер. Пореево | Весьегонский | 1 | - | - | - | - | 1 |
| Дер. Хотыль | | - | 1 | - | - | - | 1 |
| Дер. Кормовесово | | - | 1 | - | - | - | 1 |
| Дер. Ослополье | | - | - | - | - | 1 | 1 |
| Пог. Модно | | - | - | 1 | - | - | 1 |
| Дер. Михайловское | | - | - | - | 1 | - | 1 |

* Уезд указан только для населённых пунктов, находившихся за пределами Устюженского уезда.

Рассчитано по: ГАВО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 393, 399, 407.